

ФЕДОР АЧКАСОВ

В ТЕ ЖЕСТОКИЕ ГОДЫ

Федор Григорьевич Ачкасов до революции служил в царском военном флоте, был участником Чумайского восстания против колчаковцев в Марининском уезде в 1918 году, был первым председателем Чумайского сельского совета. В 1930 году его семью "раскулачили" и сослали на Чулым. А в 1937 году, когда он работал продавцом в с. Тегульдет, его взяли по линии НКВД.

Федор Григорьевич по настоянию своего сына Федора Федоровича Ачкасова написал воспоминания. Умер в 1983 году на 89-м году жизни в г. Новосибирске.

Здесь часть воспоминаний, относящихся к его аресту и пребыванию в лагерях. Я рискнул соединить отрывки, представляющие общественный интерес, небольшими связками.

В.Новоклюнов.

22-го сентября 1937 года ночью пришла милиция, все в квартире перевернули, в подполе все ископали, на чердаке все перетрясли. Что они искали, не знаю, но ничего не нашли. Забрали все фотокарточки, все виды, которые я приобрел во время плавания за границей и арестовали меня. Магазин славать меня не выпустили...магазин передавал сам начальник торгового отдела. Недостача выявилась в 17 рублей, которую взыскали, когда жена получала за меня зарплату.

В тот день арестовали человек пятьдесят. Просидели в Тегуль-

дете в камере предварительного заключения 8 дней. До нас арестованных отправляли на автомашинках до Мариинска, а нас 33 человека погнали пешком, так как пошли сильные дожди и тракт был разбит. Некоторые арестанты были в полуботинках, так и брели по грязи.. На четвертый день дошли до города Мариинска, преодолев 170 километров.

В Мариинске нас погрузили на автомашину и повезли за город в западном направлении. Там раньше был у Сиблага свинарник, его освободили от свиней, устроили трехярусные нары и вот туда нас загнали 1000 человек. Тюрьма в Мариинске огромная, но и она была забита под завязку. Свинарник был из трех помещений и разделен на пять камер. Нас в камере помещалось 265 человек. Пол был земляной, шли дожди, на полу образовалось месиво. В камере было человек 20-25 мелких ворюшек, у которых был свой атаман. ~~новеньких за ночь собирали, а покать негде~~ { Кормили хуже чем свиней. Баланду варили так: вода и несколько штук вонючей селедки и все. Хлеб давали 600 г. ячменный, пополам с мякиной.

Около свинарника было оборудовано овощехранилище, где и вели допросы. Некоторые избивали до потери сознания. А некоторых увозили на допрос в городскую милицию, которая находилась в центре города возле собора, тем особенно доставалось. Из Тегульдетского района Сахотский и Бех пробыли там на допросе два месяца. Когда привезли в свинарник, они мало походили на людей. Все избитые, в синяках, а у Бега в ботинках черви завелись, два месяца не давали разуваться и раздеваться. Мне на допросе предъявили обвинения, якобы я имею связь с Японией и еще такие несуразные обвинения, что слушать даже страшно. Обращались как со скотом. Однажды начальник нашего свинарника в чине старшины, читая нравочения, высказался так: "Мы вас охраняем лучше чем золото, но ценим хуже говна."

Ф.Г. Ачкасов на протоколе следствия написал, что обвине-

ния не признает. Следователь покричал, но махнул рукой: "Ну ладно, все равно!" А вскоре вызвали по спискам 156 человек и повели на железнодорожную станцию.

Шли по сухой дороге, а тут вышла низина на дороге и грязь, раздаётся команда: "Стой! Ложись!" Все полегли прямо в грязь. Вышли два человека со списками и начали вызывать по фамилиям. Поднимайся, подходи и тебе объявляют срок. Проходи дальше и опять ложись. Человек десять получили по 8 лет, а остальные все по 10 лет. В том числе и я получил 10 лет.

После санобработки, "шмона", по спискам рассадили по вагонам. Ачкасова на альтернативной основе арестованные избрали старшиной вагона. Около Читы на ст. Атамановка загоняют несколько вагонов в тупик.

7 ноября к нам никто не пришел, не принесли пайка и обеда, не дали топлива. Просидели более суток голодные и без топлива. Начали ломать нары и топить печи. 8 ноября пайки принесли, принесли и баланды, но топлива опять не дали, за это время почти все нары сожгли. 9-го числа приходит один грузин с конвоем и объявляет, что нужно 80 человек на работу, на станции разгружать вагоны с пиломатериалами. Открыли и наш вагон.

-Выходи 16 человек на работу!- Брали с 5 вагонов по 16 человек. Пошел и я со своими. Привели на станцию, там стоят 20 вагонов с тесом... Каждой бригаде по 4 вагона. Я сразу расставил по 4 человека на вагон и сам включился и пошла у нас работа быстро. А три бригады начали разгружать всей бригадой один вагон, они только мешали друг другу. Мы разгрузили все четыре вагона, а те только по одному. Подходит десятник к нам, спрашивает, кто старший. Я ответил. Он записал и говорит:

-Возьми, Ачкасов, еще четыре вагона, их не дождешь и до вечера, когда они разгрузят.

Так я и сделал, расставил людей еще на четыре вагона и раз-

грузили вперед остальных.

Вот эта жадна дела, умение организовать людей, помогли Ачкасову выжить. Его назначили бригадиром на земляные работы, перевели в другой вагон, где старшиной был человек из блатных. На работу не ходил, а паек ел рабочий. Один из рабочих оставался на штрафном пайке.

Я вопрос поставил ребром. Вышла небольшая потасовка, на его стороне были еще три человека из блатиков, на моей - вся остальная бригада и наш старшина остался на штрафном пайке, 300 граммов хлеба и без второго блюда... Три дня наш старшина просидел на штрафном пайке, а на четвертый вышел на работу. На работе тоже хотел разыграть трюк, потребовал, чтобы ему записывали среднюю выработку бригады, но это ему не отломилось... не выработавший 50 процентов тоже получает штрафной паек. А потом видит, что здесь ему ничего не отломится, начал выработать норму...

Осенью 1939 года стройка была закончена. Ачкасова перебросили в г. Читу, строили объекты военные в 30 км. от города по речке Читинка. В марте 1941 года попал на Дальний Восток, строили объекты на ст. Маньовка, железнодорожный путь до озера Ханка. Работал на станции Пашино, в Ворошиловске.

30 августа нас погрузили в вагоны и повезли на запад, куда везут, ничего не знаем. Довезли до станции Бол-Невер и высадили. Собралось более 9000 человек. Отправлять нас надо было по Алданскому тракту. На пересылке был какой-то кошмар, воровство, драки, убийства. Автомашин было мало, нас 2000 человек отправили пешком. Вывели в первый день 1000 человек и на второй 1000 человек. Тысяча разделена на две партии. Одна партия выходит на час раньше, останавливается на обед на час, а когда подходит вторая группа, то первая следует дальше. Люди были разбиты на группы по 50 человек и каждый человек должен знать свое место на всем пути

следования. Шли по четыре человека в ряду. Впереди колонны идут два конвоира, между каждой полусотней тоже по два человека и начальник конвоя едет верхом.

Первый день вывели нас в 12 часов дня, день был ясный и жаркий, все разопрели, устали, прогнали нас первый день 40 километров... Не доходя ^{до} ночлега километра два один заключенный не выдержал и упал, его сейчас же на месте охранник пристрелил и пошли дальше. Пришли на ночлег ночью, темь хоть глаз выколи, ничего не видно. Загнали нас в какую-то яму, выработанный карьер. Начали кормить ужином, но некоторые так устали, что не могли сходить к костру за ужином, а сразу попадали на землю и уснули.

Ночью полил дождь, карьер наш затопило, а вокруг карьера обтянута веревка, не смей выходить за нее, запретная зона, а переступишь запретную зону, стреляют без предупреждения. Так и лазили по воде и грязи пока рассветало и повели нас дальше. Так шли девять суток до пос. Чульман, 400 километров. За весь поход две ночи ночевали под укрытием, а то все время под открытым небом. Последние дни шли дожди со снегом. Ночлег всегда выбирали, чтобы было чистое место, не залесено, а поэтому и огня развести не из чего, так и гнулись, прижимаясь друг к дружке. Днем во время похода делали два-три привала для отдыха. По над дорогой сплошная сильная ягода голубица. Сидишь рядом и не смей руку протянуть за ягодой, а протянул-вставай и в поход.

На десятый день от речки Чульман посадили их на машины и привезли на реку Алдан. Несколько ночей провели в землянках, а затем на открытых баржах отвезли за 10-15 километров, чтобы погрузить в большие триминные баржи.

Одна баржа пришла под вечер, а второй не дождалась. На ночь начали загонять в баржу, а разве можно поместить 2000 человек, если в баржу помещается только 500 человек. Заталкивали силом, трюмы забили полностью. Лик не закрывался, туловища торчали выше

люка, тогда охранники взяли палки и били по головам, чтобы осели люди в низ. Когда люк освободился, захлопнули крышку наглухо. Вот когда подумали, что конец нашей жизни. Дышать нечем, люди стали терять сознание, падали в обморок. Подняли неистовый шум, что погибаем. Тогда глухую крышку подняли, а оставили решетчатую и дышать стало легче. Всю ночь провели на ногах, прилечь или присесть было невозможно.

На утро пришла вторая ~~буржи~~ большая баржа, на нее поместили 1500 человек. На барже были трехэтажные нары. Настелили двойные нары в первой барже и поместили 500 человек. Вечером мы уже шли вниз по реке Алдан.

Везли нас девятнадцать суток. Из баржи не выпускали. Освещения никакого не было. Возле люка днем немного видно, а в дальних углах и днем ничего не видно. Кормили два раза в сутки. Утром, то есть часов в 10-11 давали 300 г. хлеба и кусок селедки, а в 4-5 часов ржаной каши три-четыре ложки. На девятнадцатые сутки ночью пришли на пристань Ханцыга. Это было 18 октября 1941 года. Вылезали из баржи и не узнавали друг друга. Искудальные, грязные, потому что за весь поход ни разу не умывались. Воды нам вообще не давали всю дорогу, хотя шли по воде. В походе попросишь пить, некоторый и нальет кружку, а некоторый, а их большинство, подставишь кружку сквозь решетки люка, а он возьмет и все ведро тебе на голову выльет. Некоторые так истощали, что еле двигали ноги.

В Ханцыге была зона и пересылка с палатками без отопления. В них и загоняли прибывающих. Кормили хотя и плохой, но все же горячей пищей три раза в день. Сводили в баню, обмундировали для работы зимой. Направляли на постройку дороги. Через каждые 10-12 километров - прорабство с 500-600 заключенными. Никаких построек не было, жили в 20-30 градусные морозы под открытым небом, особенно первые 15-20 дней. Вот тут и началась трагедия. Начались массовые заболевания.

На каждом прорабстве стали ежедневно десятками людей хоронить... Я остался жив, спасся тем, что в первую и самую лютую зиму пробыл на обжитом месте... меня берет к себе прораб Волков А.Н. на должность десятника. Этот прораб был человек положительный, вольнонаемный, к работе был требовательным, но и насчет кормежки о рабочих заботился. Более 50 градусов мороза не выводили на работу, активировали. Все прорабы по актам кормили из расчета 100 процентов выработки. А у нашего прораба, вывели на работу после обеда, выработали дневную норму на 60 процентов, он кормит из расчета 120 процентов, а за 120 процентов давали дополнительное питание... Он мне говорил в этих случаях заполнять наряды из расчета 120 процентов. В конторе сидел техучетчик, написал докладную начальнику строительства, а тот оформил дело в суд за растранивание продуктов. И получает прораб повестку явиться в суд в качестве ответчика. В это время начальник управления уезжал в Магадан. А там начальник управления царь и бог. А перед судом он приехал. Наш прораб к нему. Начальник дал команду прекратить суд. В это время у многих ретивых прорабов поумирало более 50 процентов рабочих из-за плохих условий быта и питания. А у нашего прораба Волкова ни одного случая смертности.

Повезло Ачкасову с прорабом и Волкову повезло с десятником. Несколько раз пытались забрать Ачкасова на трассу, а Волков добивался, чтобы оставили у него. Умел Ачкасов организовать труд, умел ладить с людьми, умел работать, проявлял смекалку, инициативу. На острове в 4 километрах от Хандыги строился животноводческий совхоз. Там садили картошку, капусту для лагеря, был там сенокос. Ачкасова назначили туда бригадиром-десятником, чтобы выправить дела. Начальство наезжало редко. Продукты получали сухим пайком, сами варили пищу. Ловили зайцев. Работали на острове с августа 1942 года по 15 января 1943 года. Построили свинарник на

200 голов, начали строить коровник на 50 голов.

Еще несколько месяцев работал Ачкасов у прораба Волкова на строительстве дороги, на седьмом прорабстве. Был их с прорабом 39 человек. Работали без конвоя. Строили барак на 200 человек с двойными нарами, баню, пекарню, домик диспетчера, карьер. Жили в угеленной палатке. В марте прорабство перебросили на строительство мостов на Хандовский участок у реки Хандыга.

Приступили одновременно строить все три моста, так как они расположены на одном километре. Дней через десять пришлось на одном мосту приостановить работу. Начальство дало команду нашему прорабу выделить 10 человек седьмому прорабству, которое своими силами строило мост. Там было более 50 человек рабочих на одном мосту. Наши люди проработали там 20 дней, раза два приходили к нам, рассказывали, что там люди не только работать, они еле еле доходили до моста, а ходьбы было 800 метров. Наши ребята вдвоем берут и несут бревно, а их рабочие за такое же бревно берутся 6 человек и не могут унести. Кто-то захнется, упадет и все падает с бревном. Смотришь, одного-двух изувечили. В последствии им запретили брать бревна на плечи, стали таскать таском на веревке...

При постройке барачных на трассе к Верхоянску и постройке мостов на Хандовском участке наше прорабство прогремело по всему управлению дороги. В этот период у нас месячные показатели выполнения плана были от 150 до 180 процентов. Наш Волков получил денежную премию, а нас 11 человек тоже премировали, только не деньгами, а скидкой срока в заключении. Три человека получили скидки по 2 года, четыре человека - по году и четыре по девять месяцев. В том числе и я получил один год скидки.

И такое было в "Архипелаге ГУЛАГ." Следующая стройка Ачкасова - военный аэропорт. Его сначала строили около пристани Хандыга на низком месте, затем по решению боль-

шой московской комиссии стали строить на 72 километра далее на более выгодном месте. Перебросили туда прорабство Волкова.

Как только закончили отсыпку полотна шириной в 20 метров и длиной 1000 метров, прилетела к нам комиссия во главе генерала авиации Алексева. В это время мы уже вели второй этаж вокзала и одного жилого восьмиквартирного дома. А как только закончили отсыпку в 80 метров шириной, стали у нас приземляться самолеты, идущие из Америки, военные. Наш аэродром был как промежуточный, они у нас заправлялись горючим и шли дальше: Якутск, Красноярск.

Достраивали аэродром весь 1944-й и 1945-й годы. Построили 2-х этажный вокзал, три жилых 8-ми квартирных дома, склад на три секции, гараж на 6 автомашин, электростанцию, баню, радиостанцию. В конце 1945 года, когда закончили все работы на аэродроме, нас перебросили опять на постройку мостов на Ханцовский участок. Проработали до конца апреля. Прораб наш уволился по болезни. Был дан приказ всех заключенных перебросить на постройку новой трассы на устье реки Неру. Это более 1000 километров на север... Управление дороги было в пос. Адыголах в 760 километрах от Хандыги.

В последние перед освобождением месяцы Ачкасов отказался от должности десятника и работал в столярной мастерской в Адыголах. Вот и срок кончился заключения, из лагеря освободили, а домой не уедешь. Был введен порядок освободившихся сразу оформлять на работу, как вольнонаемных и посылать туда, где нужны рабочие руки. Вопрос состоял лишь в том, куда направить. Ачкасов согласился поехать за 760 километров на Алданский участок. С трудом, но добрался до участка. Поработал немного в столярной мастерской, а затем десятником по очистке дороги на восьмом прорабстве.

Теперь Федор Григорьевич был вольнонаемным, но домой

не отпускали. Что это за свобода?! Можно было уволиться по состоянию здоровья. Для этого надо было пройти ВТЭК, чтобы было заключение о невозможности дальнейшей работы на севере. Заявление на комиссию через врача участка послал сразу после освобождения. Прошел декабрь, январь, вот и апрель позади, а его не вызывают. Приехал на ~~участок~~ участок с нарядными за май и работники участка говорят, что документы об увольнении по ВТЭКу давно пришли. Оказывается, новый начальник участка, фронтовик, положил документ ~~в~~ под сукно. Пошел к начальнику. Начальник сказал, что документы пришли, но он про них забыл.

И еще держали Ачкасова более двух месяцев. Наконец, 2 августа 1947 года Федора Григорьевича рассчитали. Надо было спешить в Ханцыгу. Должен идти последний пароход. На другой день был там. Здесь, в Ханцыге, Ачкасов узнал, почему его не вызывали на ВТЭК. Оказалось, что главным врачом больницы в Ханцыге был врач-грузин, бывший заключенный. В одно время он заведывал ~~этой~~ больницей на стройке, где работал десятником Ачкасов. В больнице были сырые дрова, больные мерзли, холодно было и в квартире врача. И вот тогда по просьбе врача Ачкасов стал почти ежедневно отправлять со стройки в больницу отходы и спас больных и семью врача от холода. И будучи председателем ВТЭКа, врач не стал вызывать Ачкасова на комиссию, а сразу написал заключение, что быть на севере ему противопоказано. Как важно во всех ситуациях оставаться человеком.

Последний пароход не взял пассажиров, ушел. Стали искать выход. Плыли на лодке, затем на пароходе-угольщике до Якутска. Из Якутска с трудом, но выбрался.

На 63-й день своего путешествия, наконец, добрался до дома, вернее до семьи. Она проживала в Томске.

Чтобы устроиться на работу надо еще прописаться. Когда пошел

прописываться, мне дали 24 часа, чтобы я убрался из пределов города Томска. В тот же день пошел в пос. Тимирязево, что на левом берегу Томи, слышал, что там можно прописаться. Устроился в доме отдыха Коопенкасы. Первая прописка прошла хорошо. Так как паспорт был годовой, через год пришлось менять паспорт. Паспорт заменили в отделении милиции Томского района, но не прописали. Вызвали в отдел милиции. Прибыл в милицию:

- Чем могу служить? - отвечают:

- Не пропишем в Тимирязево, уезжай!

- Куда?

- Куда хочешь, подальше от города.

- Почему не могу остаться в Тимирязево?

- Потому что был сужден.

Я им сразу заявил, что никуда не поеду. Если не имею права жить в поселке, садите меня в тюрьму. Два дня меня крутили и гнали, но я уперся: "Не поеду и все!".

К вечеру на второй день начальник отделения милиции предъявляет мне штраф 100 рублей.

- За что?

- За то, что не подчиняешься и не уезжаешь.

Я заплатил 100 рублей, квитанции никакой не выдали, но на год прописали. Прожил еще год. Отдел милиции открыли в Тимирязево. Пошел менять паспорт. Выдали опять годовой. Пошел на прописку... вызывает начальник милиции лейтенант Фролов и говорит:

- Давай уезжай в тайгу, в леспромхоз.

- Никуда я не поеду. Не имею право жить, садите в тюрьму. Никуда не поеду. - Прописывают меня на три месяца. Прошли три месяца, опять иду прописываться. Опять требуют: "уезжай!". И так весь год, прописывали четыре раза и все гнали из Тимирязево. Это было в 1949 году. На следующий год дали опять годовой паспорт и опять давай выгонять, но я наотрез отказался от выезда. Тогда

мне предлагают:

-Ладно, живи, но должен с нами сотрудничать.

-Ну, хорошо.- говорю.

В 1951 году получили бессрочный паспорт и постоянную прописку. Но кроме того с первого дня приезда до смерти Сталина не давали спокойно жить, почти каждый месяц вызывали в КГБ и одно и тоже спрашивают: "Где живешь, где работаешь?"

В 1954 году я подал заявление о реабилитации... В 1956 году в октябре месяце получил я документ о реабилитации и с того времени стал жить как полноправный гражданин СССР, а до этого все время считался гражданином второго сорта.

~~На этом и кончается повествование.~~

~~1970-й год. 25 января.~~